

В.А. Томсинов,
доктор юридических наук, профессор юридического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

**Дискуссии
в советской юридической науке
1920-1930-х годов:
А.Я. Вышинский
против
Е.Б. Пашуканиса**

Опубликовано:
под названием
«Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954):
государственный деятель и правовед.
Статьи 27, 28, 29
в журнале «Законодательство»
2019. № 10. С. 89–94. № 11. С. 87–94. № 12. С. 87–94

1

Февральско-мартовский Пленум ЦК ВКП (б) ознаменовал собой окончательный разгром левой (троцкистской) и правой (бухаринской) оппозиции внутри коммунистической партии как политической силы. Арест Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, осуществленный без какого-либо протеста со стороны членов высшего органа коммунистической партии, означал, что лидеры правых стали рассматриваться в качестве не политических деятелей, а всего лишь обвиняемых в совершении уголовных преступлений. Вышинский использовал эту политическую победу для полного развенчания доктрин советской юридической науки, соответствовавших идеологическим воззрениям левых и правых течений в ВКП (б).

Самым талантливым и ярким выразителем таких доктрин был автор многочисленных научных трудов по теории и истории государства и права, международному праву, хозяйственному праву *Евгений Брониславович Пашуканис* (1891–1937). С 1931 года он занимал пост директора Института советского строительства и права Коммунисти-

ческой академии¹, а с ноября 1936 года должность заместителя наркома юстиции СССР. 20 января 1937 года Евгений Брониславович был арестован по обвинению в участии в антисоветской террористической организации правых.

Наиболее полное и системное изложение своих воззрений на сущность права и характер правовых категорий Е.Б. Пашуканис дал в книге «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий», вышедшей первым изданием в 1924 году, вторым, исправленным и дополненным, изданием в 1926-ом и третьим – в 1927 году. Выпуская в свет данное произведение, автор смотрел на него всего лишь как на материал для дискуссии о природе права, однако на практике оно стало использоваться в качестве учебного пособия на юридических факультетах. Для анализа правовой надстройки общества Евгений Брониславович взял на вооружение, как сам отметил в предисловии ко второму изданию книги, Марксову методологию анализа «формы товара и связанной с ним формы субъекта»². Признав вслед за Карлом Марксом, что «чистое натуральное хозяйство не может явиться предметом политической экономии как самостоятельной науки», что «только товарно-капиталистические отношения образуют впервые предмет политической экономии как особой теоретической дисциплины, пользующейся своими специфическими понятиями», Пашуканис констатировал: «Аналогичные соображения можно всецело применить к общей теории права. Те основные юридические абстракции, которые порождаются развитым юридическим мышлением и представляют собой ближайшие определения юридической формы вообще, отражают собой определенные и притом весьма сложные общественные отношения»³.

¹ Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 7 февраля 1936 г. было признано «целесообразным» ликвидировать Коммунистическую академию и передать ее учреждения, институты и основных работников в Академию Наук СССР. 5 октября того же года Институт советского строительства и права был Постановлением Президиума АН СССР переименован в Институт государственного права.

² Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 2-е испр. и дополн. издание. М., 1926. С. 5.

³ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Издание 3-е. М., 1927. С. 18-19.

Применение Пашуканисом в исследовании сущности правовой формы общественных отношений Марксовой методологии анализа формы товара закономерно привело его к следующим заключениям:

– «Только буржуазно-капиталистическое общество создает все необходимые условия для того, чтобы юридический момент в социальных отношениях достиг полной определенности»⁴.

– «Основные черты буржуазного частного права суть в то же время наиболее характерные определяющие черты правовой надстройки вообще»⁵.

– «Отмирание категорий (именно категорий, а не тех или иных предписаний) буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права, так же как отмирание стоимости, капитала, прибыли и т.д. при переходе к развернутому социализму не будет означать появление новых пролетарских категорий стоимости, капитала, ренты и т.д.»⁶

– «Отмирание категорий буржуазного права в этих условиях будет означать отмирание права вообще, т.е. постепенное исчезновение юридического момента в отношениях людей»⁷

– «Поэтому форма права как таковая не таит в себе в нашу переходную эпоху тех неограниченных возможностей, которые открывались в ней для буржуазно-капиталистического общества на заре его рождения. Наоборот, она временно замыкает нас в свои узкие горизонты. Она существует только для того, чтобы окончательно исчерпать себя»⁸.

Эти выводы означали отрицание даже просто возможности существования социалистического типа права. Правовая система Советского государства представлялась в их свете буржуазной по своей социальной сущности правовой надстройкой, обреченной на постепенное отмирание. В связи с этим принижались ценность закона и значение законности для существования Советского государства, умалялась роль юристов в общественной жизни. Пашуканис

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 22.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 82.

утверждал, что усиление по мере развития социализма государственного руководства экономикой «в порядке подчинения общему хозяйственному плану» не включает в себе «никаких перспектив для процветания юридического ремесла»⁹.

Основной задачей марксистской юридической теории Пашуканис в полном соответствии со своими воззрениями на сущность права и его судьбу при социализме считал изучение процессов «отмирания частно-правовых моментов в юридической надстройке и, наконец, постепенное, обусловленное этими основными процессами выветривание самой юридической надстройки в целом»¹⁰.

Именно на эти доктрины обрушился с жесточайшей критикой весной 1937 года прокурор СССР Вышинский. Они выражали скорее идеологические, нежели научные взгляды, поэтому их легко можно было связать с политическими идеями левой и правой партийной оппозиции. В статье «К положению на фронте правовой теории», опубликованной в пятом номере журнала «Социалистическая законность» за 1937 год вместе с текстами выступлений на Пленуме ЦК ВКП (б) И.В. Сталина и В.М. Молотова, Андрей Януарьевич заявил: «Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими “теориями” троцкизма и правых (в особенности с антиленинскими взглядами Бухарина). Истоки ликвидаторских “теорий” Пашуканиса и его компании — в авгиевых конюшнях опошления и извращения марксизма меньшевистскими теоретиками II Интернационала. Все это прикрывалось громкими словами о критике буржуазной науки права, шумом и громом словесных заклинаний. На деле же систематически протаскивалась буржуазно-реставраторская, троцкистско-бухаринская контрабанда»¹¹. Любопытно, что в новом варианте данной статьи, напечатанном позднее в изданной юридическим издательством Наркомата юстиции СССР брошюре под таким же названием, фраза «лженаучные позиции Пашуканиса и его группы переплетались с реставраторскими “теориями”

⁹ Там же. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 82.

¹¹ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 31.

троцкизма и правых» была заменена на более категоричное заявление: «Лженаучные позиции Пашуканиса и его группы **в области права целиком и полностью определялись контрреволюционными реставраторскими “теориями” троцкизма и правых»**¹² (выделено мною. — В.Т.).

Своим стилем и частично содержанием статья «К положению на фронте правовой теории» была более похожа на обвинительную речь прокурора в суде, чем на критическое научное произведение. «Пашуканис и его приспешники, — заявлял Вышинский, — превратили Советский научно-исследовательский институт в хлев, где процветали отвратительные нравы семейственности и групповщины. Неудобные и неудобные работники отшивались, вся работа была монополизирована “артелью” тесно спаянных людей. Зажим самокритики, подхалимство, взаимное восхваление, взаимная амнистия при разоблачении чьих-либо ошибок, “вождизм” — все это свило себе здесь пышное гнездо»¹³. Подобные заявления Вышинского в адрес Пашуканиса давали основание считать, что Андрей Януарьевич столь резко выступал против него потому, что испытывал личную неприязнь к нему как к ученому правоведу, имевшему огромный авторитет среди своих коллег. По слухам, ходившим в московской академической среде в середине 1930-х годов, Евгений Брониславович отвечал Вышинскому такой же сильной неприязнью. Об этих слухах вспомнил в своих мемуарах А.А. Громыко. В приведенной в них заметке под названием «Пашуканис против Вышинского» видный советский государственный деятель рассказал: «Когда в 1936 году я оказался в стенах Академии наук СССР, то, не являясь специалистом в области юриспруденции, часто встречал правоведов, которые хорошо знали Пашуканиса и давали ему самую высокую оценку как ученому-юристу. Знал я его и лично. На протяжении ряда лет между ним и Прокурором СССР А. Я. Вышинским существовала самая настоящая вражда. Я редко встречал людей,

¹² Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории. М., 1937. С. 5.

¹³ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 31.

которые высказывались бы одобрительно о взглядах Вышинского. Зато труды Пашуканиса оценивались высоко»¹⁴.

Взаимная вражда между прокурором СССР и директором Института советского строительства и права скорее всего действительно существовала или, во всякой случае, имелась почва для слухов о ней. Но вот объяснение, которое дано этой вражде в мемуарах А.А. Громыко, является ложью. Оно отражает миф, который был распространен в среде советской интеллигенции в послесталинскую эпоху и стал особенно популярным во второй половине 1980-х годов, во время так называемой «перестройки». Согласно легенде, однажды после того как Пашуканис прочитал лекцию, один из слушателей задал ему вопрос: «Как вы оцениваете кредо Вышинского: признание — царица доказательства вины?», на что Пашуканис якобы ответил: «К истине иногда ведет долгий путь, даже тогда, когда обвиняемый, кажется, сложил оружие и ему нечего больше привести в доказательство своей правоты».

Рассказывая об этом случае, А.А. Громыко счел необходимым пояснить: «Такой ответ, конечно, не представлял собой категоричное осуждение позиции Вышинского, но ведь надо учесть, что тогда было за время. В судебных процессах меч карал не тех, кто совершал преступления в угоду культу личности, а тех, кто искал справедливости. С той кафедры ответ Пашуканиса прозвучал все же как вызов организаторам необоснованных репрессий. Перед учеными-правоведами встал вопрос, с кем они. Пашуканис не покривил душой. Свою принципиальность, научную добросовестность он не стал приносить в жертву антинаучной преступной концепции, которой присягнул Вышинский. Жестоко за это поплатился честный ученый Евгений Брониславович Пашуканис — своей жизнью. Позже я узнал, что труды Пашуканиса высоко оценивались и за рубежом. Специфика тогдашней советской действительности не помешала ученым других стран увидеть в работах Пашуканиса много ценного для мировой юридической науки, особенно по общей теории права, а также по истории права и политических учений»¹⁵.

¹⁴ Громыко А.А. Памятное. Кн. 1. М., 1990. С. 66.

¹⁵ Там же.

В действительности формула «признание — царица доказательства вины» не составляла «кредо» А.Я. Вышинского и не за противодействие этой концепции, названной в мемуарах Громыко «антинаучной» и «преступной», поплатился Пашуканис своей жизнью.

На самом деле в лице Вышинского и Пашуканиса в очередной раз столкнулись между собой — причем предельно жестко (можно сказать: не на жизнь, а на смерть) — два разных течения в правовой идеологии Советского государства: **государственническое** и **революционное**.

Первым заметным проявлением их враждебности друг другу стала дискуссия, разгоревшаяся весной 1935 года между прокурором СССР А.Я. Вышинским и наркомом юстиции РСФСР Н.В. Крыленко¹⁶. В 1937 году противоречия между этими двумя вариантами советской правовой идеологии выразились в значительно более острой форме и в более глубоком содержании. Поэтому неудивительно, что объектом критики со стороны Вышинского стали произведения Пашуканиса, написанные десять лет тому назад и даже больше. Андрей Януарьевич как будто решил подвергнуть ревизии все научное творчество Евгения Брониславовича.

«Основная идея книжки Пашуканиса “Общая теория права и марксизм”, — отмечал прокурор СССР в статье «К положению на фронте правовой теории», — выражена в краткой формуле, объявляющей право формой буржуазного общества, “формой общения эгоистических, обособленных субъектов, носителей автономного частного интереса или идеальных собственников”. Рассматривая право исключительно как буржуазную категорию, субъекта права — то есть носителя, обладателя права — как товаровладельца, а правовые отношения как отношения товаровладельцев, частных собственников, Пашуканис все правовые понятия и в советском обществе выводил из характера товарно-денежного,

¹⁶ См. об этой дискуссии: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883—1954), государственный деятель и правовед. Статья 9 // Законодательство. 2018. № 4. С. 87–94. Статья 10. № 5. С. 79–86. Любопытный факт: Е.Б. Пашуканис был другом Н.В. Крыленко и не случайно стал в ноябре 1936 г. его заместителем в руководстве наркомата юстиции СССР.

капиталистического хозяйства. Отсюда Пашуканис приходил к утверждению, что право в наиболее развитом виде возможно только в буржуазном обществе»¹⁷.

Приведя в подтверждение этих слов цитату из книги Пашуканиса, Вышинский счел вполне уместным пояснить: «Нетрудно открыть корни этой враждебной марксизму концепции. Пашуканис пришел к большевикам после долголетнего пребывания в меньшевистской партии. Он принес с собой груз меньшевистского псевдомарксизма»¹⁸. Андрей Януарьевич как будто совсем забыл, что и сам являлся когда-то меньшевиком — более того, не очень-то и спешил стать членом большевистской партии даже после того, как большевики захватили государственную власть. Он явно стремился развенчать Пашуканиса и как ученого, и как идеолога-марксиста, поэтому не просто критиковал его за те или иные взгляды на сущность права, но и обвинял как обвиняют преступника.

В доктринальных построениях Пашуканиса Вышинский увидел не только упрощенное понимание природы правовых институтов или форм, но и опасное для существования любого государства принижение роли закона. «Отрицая социалистический характер советского права, Пашуканис выбрасывает вон и советские законы, советские кодексы»¹⁹, — возмущался прокурор СССР в статье «К положению на фронте правовой теории», приводя в ней высказывание директора Института советского строительства и права о невозможности применять в Советском государстве Гражданский, Земельный или Трудовой кодексы.

В докладе на партийном собрании работников прокуратуры, состоявшемся 3 мая 1937 года, Вышинский выразил это мнение в более подробном и отчетливом изложении. «По Пашуканису, — сказал он, — отмирание категорий буржуазного права отнюдь не означает замены их новыми категориями пролетарского права... Если стать на подобного рода точку зрения, то должно стать совершенно непонятным такое явление, как наша новая Конституция, которая

¹⁷ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 35.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 36.

является закреплением роли и значения также и “юридического момента” в нашем обществе, является свидетельством громадной роли в социалистическом обществе революционной, социалистической законности. По Пашуканису получается, что чем дальше развивается социалистическое общество, тем все меньше и меньше становится роль закона и права, а следовательно, и Конституции как основного закона нашего государства. В государстве переходного периода (каким является государство эпохи диктатуры пролетариата), по Пашуканису, действуют нормы буржуазного права, и самое это право – тоже буржуазное. Самая форма закона, по Пашуканису, возможна только в обществе, где политическая власть противопоставляет себя экономической власти, которая отчетливее всего выступает как власть денег. Следовательно, самый закон возможен только там, где властвуют деньги. Так как в нашей стране власти денег нет, то следовательно, закону у нас нет места, а наша законность у нас переживает период заката, увядания»²⁰.

Вышинский был убежден в чрезвычайной опасности доктрин Пашуканиса для Советского государства. При этом он понимал, что идеи отмирания права при социализме, несовместимости законов и законности с сущностью пролетарского государства, вредности полноценной кодификации права и спустя два десятилетия после Октябрьской революции имеют немало приверженцев среди советских правоведов.

2

Революционное течение в советской юридической науке, провозглашавшее неизбежность отмирания права при социализме и придававшее закону лишь роль инструмента в политике пролетарского государства, до второй половины 1930-х годов являлось доминирующим. Оно сформировалось в первые годы существования Советского государства в противовес доктринам буржуазного права.

Первоначально революционный подход к праву был предельно упрощенным. Его суть сформулировал заместитель наркома юстиции

²⁰ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 38.

РСФСР П.И. Стучка²¹ в статье «Пролетарское право», опубликованной в 1919 году. «Понимая право в буржуазном смысле, — указывал большевистский правовед, — мы о пролетарском праве и говорить не можем, ибо цель самой социалистической революции заключается в упразднении этого права, в замене его новым социалистическим порядком. Для буржуазного правоведа слово “право” неразрывно связано с понятием государства, как органа охраны, орудия принуждения в руках господствующего класса. С падением или, правильнее, *отмиранием* государства естественно падает, *отмирает* и право в буржуазном смысле. О пролетарском же праве мы можем говорить лишь как о *праве переходного времени*, периода диктатуры пролетариата, или уже о праве социалистического общества в совершенно новом смысле этого слова, ибо с устранением государства, как органа угнетения в руках того или иного класса, взаимоотношения людей, социальный порядок будут регулироваться не принуждением, а сознательной доброй волей трудящихся, т.е. всего нового общества»²².

От революционного понимания сущности права и взгляда на закон как на инструмент государства П.И. Стучка не отказался и спустя десятилетие после революции. В первом томе «Курса гражданского права», вышедшем двумя изданиями в 1927 и 1928 годах, он признал: «О гражданском праве серьезно мы заговорили лишь в 1922 г., когда мы ввели в практику *гражданские законы*. Своей теории гражданского права у нас еще нет. Но вместе с тем нам пришлось установить и другое: необходимость *отмирания* гражданского права и всякого права вообще по мере перехода от социализма к коммунизму, проделывая ту же диалектику, как переход от государства к негосударству (слова Ленина), т.-е. от права переходного периода

²¹ С 4 декабря 1918 г. до 3 января 1920 г. Петр Иванович (Петерис Янович) Стучка занимал в дополнение к своим должностям в РСФСР пост главы правительства Латвийской социалистической советской республики.

²² Стучка П.И. Пролетарское право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. Сборник статей. М., 1919. С. 210. При переиздании этой статьи в 1931 г. П.И. Стучка отметил, что она «обратила на себя внимание Владимира Ленина, очевидно, из-за постановки некоторых вопросов. Его оценка гласила: “Статья Вам хорошо удалась”» (Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей 1917–1930. М., 1931. С. 24).

социалистического строительства *к не-праву*, к отсутствию, отмиранию всякого права, как ненужного»²³. В полном соответствии со своими революционными воззрениями на право и закон Петр Иванович утверждал, что, применяя метод, который называется ныне «революционным марксизмом или ленинизмом», «мы должны победить, в числе других фетишей, и фетиш права и закона, свести их к самым простым и обыденным явлениям; из власти над нами превратить их в орудие власти в наших руках. Проделав революцию во всех областях жизни, мы не должны отказаться от внесения революции и в право, и даже в гражданское право»²⁴.

В более категоричной и ясной форме эту мысль выразил в своих публикациях в 1924 году А.Г. Гойхбарг. Указав, что идея права и справедливости прекрасно служит интересам эксплуататорского класса, он констатировал: «Мы отказываемся, таким образом, видеть в праве некоторую идею, которая явилась бы полезной и для рабочего класса, и для пролетариата. В свое время эта идея имела некоторый смысл, но в настоящее время в идеологии пролетариата она излишня, и ее необходимо вытравлять из пролетарских мозгов»²⁵.

Во второй половине 1920-х — начале 1930-х годов центральной темой в советской юридической науке и в политической идеологии Советского государства стала проблема революционной законности²⁶. Свое мнение на эту тему старался тогда высказать едва ли не каждый советский правовед.

²³ Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. Введение в теорию гражданского права. М., 1927. С. 12.

²⁴ Там же. С. 10-11.

²⁵ Гойхбарг А.Г. Основы частного имущественного права (очерки) М., 1924. С. 22. Гойхбарг А.Г. Несколько замечаний о праве // Советское право. Журнал Института советского права. 1924. № 1. С. 11-12.

²⁶ Обращая внимание на злободневность, которую приобрел в то время вопрос о революционной законности, правовед В.П. Антонов-Саратовский писал: «Им занимаются не только правительственные и партийные органы, но и вся советская общественность. Происходят горячие дискуссии, целью которых является раскрытие современного содержания понятия “революционная законность”, выявление причин, препятствующих достаточному практическому ее осуществлению и отыскание действительных мер к устранению этих причин» (Антонов-Саратовский В.П. О революционной законности // Революционная законность. 1926. № 1-2. С. 3).

С позиции здравого смысла употребление термина «законность» в сочетании со словом «революционная» не могло не казаться странным. Эту странность, кажется, вполне сознавал А.Я. Вышинский. Вряд ли случайно в своих выступлениях применительно к законности он чаще использовал определение «социалистическая», а не «революционная».

В докладе «Революционная законность и задачи советской защиты», прочитанном 21 декабря 1933 года на собрании Московской коллегии защитников, Вышинский заявил, что революционную законность «мы сейчас называем по праву *социалистической законностью*, потому что ее основой является охрана и защита социалистической общественной собственности»²⁷. При этом он пояснил, что, в отличие от других типов законности, социалистическая законность является настоящей. «С этой настоящей законностью, — потому-то она и называется социалистической законностью, — не могут идти ни в какое сравнение законности каких бы то ни было государств, каких бы то ни было периодов человеческой истории», — сказал Андрей Януарьевич и подчеркнул: «Задача законности всякого классового общества, как только она возникает, лежит в том, чтобы обеспечить устойчивость данного государственного строя, устойчивость тех социально-политических отношений, которые возникли на определенной базе общественно-экономического развития данной страны»²⁸. Данные высказывания Вышинского в сущности выражали мысль о том, что законность любого классового общества призвана обеспечить **устойчивость** государственного строя и социально-политических отношений, ее установление означает прекращение разрушительных процессов, присущих революциям, поскольку настоящая законность консервативна, а не революционна.

Сторонники же революционного течения в советской юридической науке никакой другой законности, кроме **революцион-**

²⁷ Вышинский А.Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934. С. 20.

²⁸ Там же. С. 7. О других случаях использовании Вышинским словосочетания «социалистическая законность» вместо категории «революционная законность» см.: Там же. С. 6, 25, 27, 29 и др.

ной не признавали, и саму эту революционную законность понимали не как способ придания устойчивости сложившемуся в стране государственному строю и правопорядку, а как юридическую форму, обеспечивающую продолжение революционных процессов. Так, Н.В. Крыленко писал в 1925 году в статье «О философских выступлениях т. Сольца на тему о “революционной законности”, о “старом” и “новом” праве и его практических по этому поводу предложениях»: «Отличие революционной законности от законности вообще только в том, что мы нашими законами охраняем наш революционный порядок, охраняем наше революционное дело, в то время как старое право охраняло старый порядок. Отличие революционной законности, наконец, в том, что революционная законность и революционное право сами являются революционизирующим фактором, как право нового класса,двигающее вперед, устанавливающее новые формы жизни, и поэтому реакционным посягательством является всякая попытка его нарушения»²⁹.

П.И. Стучка также понимал революционную законность как продолжение революционных процессов. «Революционная законность есть та же *революция*, только иными средствами», она является «доведением до небывалых размеров *организованности* революции»³⁰, — писал он в 1930 году.

А.Я. Вышинский признавал немаловажную роль П.И. Стучки в разработке основ советского государственного и гражданского права и в утверждении среди советских правоведов марксистско-ленинского понимания права, но при этом ряд высказанных им идей считал ошибочными. Выступая 3 мая 1937 года на партийном собрании работников Прокуратуры СССР, Андрей Януарьевич обращал внимание на серьезные противоречия в его воззрениях на советское право. «Нельзя отрицать того факта, — отмечал он, — что Стучка в свое время указывал на грубейшие извращения марксизма

²⁹ Крыленко Н.В., Яхонтов В.И. Статьи о революционной законности. М., 1926. С. 50. Цитированная статья Н.В. Крыленко была опубликована 8 декабря 1925 г. В газетах «Правда» и «Известия ЦИК».

³⁰ Стучка П.И. Революционная законность (итоги и перспективы) // Стучка П.И. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сборник статей 1917–1930. М., 1931. С. 219.

вредительской “теорией” Пашуканиса. Но П.И. Стучка в то же время усердно восхвалял Пашуканиса за его якобы заслуги перед советским правом. Стучка разоблачал клеветнический тезис Пашуканиса о том, что советское право есть право буржуазное, так как де всякое право является категорией буржуазного общества. Но в то же время сам Стучка впадал в грубую ошибку, утверждая, что мы в области гражданского права просто произвели рецепцию буржуазного права. Наши первые кодексы Стучка ошибочно рассматривал как результат уступки буржуазному праву, как вехи отступления, повторяя антиленинские измышления Зиновьева и Бухарина, перенося троцкистско-зиновьевские установки в область теории права»³¹.

Не принимал Вышинский и мнения П.И. Стучки о возможности поддерживать правопорядок в социалистическом обществе без принуждения со стороны государства, одной лишь «сознательной доброй волей трудящихся». «Это прямо противоречит марксистско-ленинском учению о праве»³², – выносил свой вердикт Андрей Януарьевич, ссылаясь на высказывание В.И. Ленина о том, что «право есть ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм».

Убежденным сторонником революционного течения в советской юридической науке являлся и профессор факультета советского права 1-го Московского университета *Михаил Андреевич Рейснер* (1868–1928). «Перед революцией я думал, что право могло бы быть использовано нами, как революционное оружие. В настоящее время, при наличности новой экономической политики и замедлении мировой революции я склонен стать на противоположную точку зрения»³³, – сокрушенно констатировал он в 1925 году. Что же заставило его сделать такой вывод? Оказывается, всего лишь наблюдавшееся им усиление роли закона во внутренней политике Советского государства, выдвигание на судебные должности профессиональных юристов, увеличение в учебных заведениях, готовивших юристов,

³¹ *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 34.

³² *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 30.

³³ *Рейснер М.А.* Право. Наше право. Чужое право. Общее право. М., 1925. С. 35.

количества преподаваемых юридических наук. Профессор-революционер считал эти перемены, выразившие восстановление нормальной общественной жизни после пережитых страной катаклизмов революции и гражданской войны, самой настоящей реставрацией дореволюционных порядков. «Меня весьма страшат, — признавался он, — наши новые правовые увлечения, и я склонен возвысить свой голос в тех целях, чтобы предостеречь от безмерной юридизации наших порядков, даже на основе пролетарской диктатуры. Если право не “опиум для народа”, то, во всяком случае, довольно опасное снадобье, обладающее в горячем состоянии свойствами взрывчатого вещества, а в холодном всеми признаками крепкого, иногда слишком крепкого, клея или замазки»³⁴.

Больше всего революционное сознание М.А. Рейснера оскорбляли профессионализация суда и возрождение российского юридического образования. «Наш судебный аппарат, вполне нормально перешедший от первоначального “революционного правосознания” к твердому процессу и материальному праву, не сумел найти правильных путей и ударился в крайность профессиональной юрисдикции, — сетовал он. — Наше высшее образование, с упразднением факультетов общественных наук, как будто целиком возвращается к старым фабрикам юридических дипломов, а место различных областей политики хозяйства и управления начинают занимать, совершенно по старым образцам, бесчисленные отрасли юридической догматики. Программа современных правовых отделений положительно пестрит всевозможными “правами”. “Право кооперации” и “право земельное”, “право социального обеспечения” и “право гражданское”, “право хозяйственное” и “право административное” ... право, право и право, без конца. Только, только не хватает права полицейского и права церковного. Если бы дополнить ими наш список, то старый ассортимент “императорского юридического факультета” был бы дан в еще усовершенствованном и развитом виде. “Возрождение”

³⁴ Там же.

юридической литературы мы отчасти видели выше... Мертвые кости воскресли!»³⁵.

Профессор Рейснер не скрывал скептического отношения к советскому праву и не стеснялся представлять его реакционной силой, орудием в руках буржуазии, способным расшатать диктатуру пролетариата. Наблюдая усиление роли юридического принципа в политике Советского государства, он искренне этому удивлялся и спрашивал: «К чему же понадобилось право там, где имеется определенная и ясная формула диктатуры, и зачем правовая регулировка, раз мы имеем твердо осознанный классовый интерес и надлежащие технические способы для его осуществления. На это увы никто не отвечает... И мы остаемся по-прежнему в полном недоумении: мы так и не знаем, нужно ли нам право, в какой степени оно нам нужно, и можно ли мириться с тем, что мы почему-то пролетарскую диктатуру и классовый интерес перекрашиваем в какие-то загадочные правовые образы и формы»³⁶.

Вышинского в наибольшей степени задевало следующее высказывание М.А. Рейснера: «Мы не должны забывать, что гражданское или частное право это есть основное орудие вражеской нам силы на идеологическом фронте»³⁷. Прочитав его в докладе на партийном собрании работников Прокуратуры СССР, состоявшемся 3 мая 1937 года, Андрей Януарьевич гневно заявил: «*Вся эта глупейшая антисоветская дребедень, совершенно несусветная чепуха преподносилась нашей молодежи с высоты кафедры Московского университета, печаталась и издавалась нашими издательствами*»³⁸.

Из советских правоведов против правовой регламентации общественных отношений в Советском государстве выступал столь решительно, кроме М.А. Рейснера, только профессор А.Г. Гойхбарг, прославившийся заявлением о том, что право еще более отравляющий и дурманящий опиум для народа, чем религия. Оно было сделано в первой главе книги «Основы частного имущественного права»,

³⁵ Там же. С. 36.

³⁶ Там же. С. 33–34.

³⁷ Там же. С. 237.

³⁸ *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3–4. С. 34.

опубликованной в 1924 году Александр Григорьевич выразил этим заявлением убеждение, которое разделял и профессор Рейснер, что всякое право, в том числе и советское, служит интересам эксплуататорских классов. В докладе на Всесоюзном прокурорском совещании, сделанном 13 июля 1936 года, Вышинский назвал этот вывод абсурдом³⁹. В статье «К положению на правовом фронте», опубликованной в 1937 году в майском номере журнала «Социалистическая законность», прокурор СССР снова подверг критике попытку Гойхбарга представить советское право опиумом для народа, причем еще более отравляющим и дурманящим, чем религия. Приведя его высказывание, Вышинский заметил: «Под маркой социалистической Академии общественных наук и Народного комиссариата юстиции, сей откровенный меньшевистский теоретик провозглашал отличие буржуазного строя от социалистического в том, что — “храм буржуазного владычества — законодательство и его фетиш — закон; храм пролетарского и “социалистического мирового строя — управление, а его богослужение — труд”»⁴⁰.

Профессор Гойхбарг отказался от этих взглядов на советское право еще в 1925 году, признав их ошибочными, но Вышинский счел необходимым напомнить о них в 1937 году, пояснив, что они «до сих пор живучи в сознании наших весьма плодовитых “теоретиков”, которые делают по существу сейчас те же самые ошибки, которые в свое время делал Гойхбарг», и что подобным образом рассуждают пашуканисовцы⁴¹.

К началу 1930-х годов в СССР сформировалась довольно значительная группа молодых ученых-юристов — последователей идей П.И. Стучки, Н.В. Крыленко, М.А. Рейснера и Е.Б. Пашуканиса. Вышинский весьма критически оценивал их научное творчество. В статье «К положению на фронте правовой теории» и в докладе на ту же тему «Положение на правовом фронте» он назвал целый ряд таких

³⁹ Вышинский А.Я. Сталинская конституция и задачи органов юстиции // Социалистическая законность. 1936. № 8. С. 14.

⁴⁰ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 32.

⁴¹ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 31.

правоведов: Г.Н. Амфитеатров⁴², К.А. Архиппов⁴³, Л.Я. Гинцбург⁴⁴, О.П. Дзенис⁴⁵, М.Н. Доценко⁴⁶, И.Д. Ильинский⁴⁷. А.Т. Костельцев⁴⁸, Д.А. Магеровский⁴⁹, И.П. Разумовский⁵⁰, Ф.И. Старовойтов⁵¹. Только двое людей из этого списка пережили годы 1937-й, 1938-й и 1939-й, а именно: Амфитеатров и Гинцбург. Остальные разделили судьбу Пашуканиса. В связи с этим возникает вполне логичный вопрос: не была ли печальная участь названных молодых правоведов predetermined критикой их взглядов на советское право прокурором СССР А.Я. Вышинским?

Прежде всего отметим, что все они оказались репрессированными не за «вредительство» в советской юридической науке, а за участие в организациях троцкистов и бухаринцев. Так, Е.Б. Пашуканис был обвинен в активном участии в террористической организации и в том, что лично завербовал в нее Дзениса и Ашрафяна, что «был в курсе террористической работы и сам являлся сторонником террора над руководителями ВКП (б) и Советского правительства». И лишь в дополнение к главным обвинениям ему было вменено в вину ведение контрреволюционной деятельности «в области теории советского права».

О.П. Дзенис и З.А. Ашрафян⁵², работавшие перед арестом в Институте Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК КП (б) Украины, были арестованы в ноябре 1936 года, то есть до критики Вышинского в их адрес и вне какой-либо связи с нею, а на основании доноса, в котором сообщалось, что они являются участниками антисоветской террористической группы. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП (б) 1937 года они были названы троцкистами (в речи директора

⁴² Георгий Никитич Амфитеатров (1899–1950).

⁴³ Константин Андреевич Архиппов (1891–1939).

⁴⁴ Леонид Яковлевич Гинцбург (1901–1976).

⁴⁵ Освальд Петрович Дзенис (1896–1937).

⁴⁶ Михаил Николаевич Доценко (1903–1937).

⁴⁷ Илья Давидович Ильинский-Брук (1892–1938 или 1939).

⁴⁸ Александр Тимофеевич Костельцев (1899–1937).

⁴⁹ Дмитрий Александрович Магеровский (1894–1939).

⁵⁰ Исаак Петрович Разумовский (1893–1937).

⁵¹ Федор Иустинович Старовойтов (1905–1937).

⁵² Зармайр Андреевич Ашрафян (1898–1937).

данного Института Н.Н. Попова)⁵³, а это означало, что их участь уже была решена.

На основании единственного доноса был арестован и осужден 13 ноября 1936 года к десяти годам лишения свободы по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР за подготовку террористических актов против руководителей Советского государства научный сотрудник Института уголовной политики А.Т. Костельцев. 10 октября 1937 года он снова предстал перед судом и на этот раз был приговорен к расстрелу.

Старший научный сотрудник Института права АН СССР М.Н. Доценко был арестован 1 февраля 1937 года по обвинению в участии в антисоветской террористической организации. 14 августа 1937 года его приговорили к расстрелу. Д.А. Магеровского арестовали в феврале 1938 года. 2 марта 1939 года его осудили на расстрел и также по статьям 58-8 и 58-11 УК РСФСР. В 1917–1918 годах он состоял в Центральном комитете партии социалистов-революционеров и обвинялся в участии в мятеже левых эсеров.

Оценка правовых взглядов Е.Б. Пашуканиса в выступлениях Вышинского весной 1937 года была предельно резкой, но следует заметить, что Андрей Януарьевич не был первым или единственным их критиком. Так, в 1925 году концепцию книги Пашуканиса «Общая теория права и марксизм» подверг обстоятельному критическому разбору правовед Н.М. Тоцкий⁵⁴, а в 1927 году ряд серьезных

⁵³ Дословно Н.Н. Попов сказал на заседании Пленума следующее: «Случилось так, что после разгрома националистов в 1933 г. на руководящие посты на культурно-идеологическом фронте были выдвинуты у нас на Украине троцкисты: Ашрафян, Дзенис, Сенченко, Гител, Карпов и др.» (Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года. 5 марта 1937 года. Вечернее заседание // Вопросы истории. 1995. № 12. С. 10).

⁵⁴ «Коренной недостаток книги Е. Пашуканиса — сужение поля внимания и ограничение науки права исключительно областью отношений обмена. Ограничив себя заранее областью исследования и приняв на веру, что правовая форма свойственна только им, автор, далее натолкнулся на смежные и одновременно на существующие отношения властвования и подчинения, которые образуют ту форму общественного порядка, которая именуется *государством*... Вместо того, чтобы просто признать факт совместного и параллельного существования обоих видов отношений и показать соответствие их обоим структуре буржуазного общества, автор занялся схоластическими вопросами: какому из них принадлежит примат перед другими, что является определяющим и что определяемым и т.п.;

критических замечаний относительно ее содержания высказал в первом томе «Курса советского гражданского права» П.И. Стучка⁵⁵.

Пашуканис между тем продолжал развивать свою доктрину отмирания права при социализме. В 1929 году в статье «Экономика и правовое регулирование» он самонадеянно и как бы от имени всех советских правоведов-марксистов заявил: «Если в досоветский период нередко можно было встретиться с утверждением, будто социализм влечет за собой необыкновенное развитие правовой надстройки, то сейчас с этим никто из марксистов, разумеется, не согласится. Сейчас для нас бесспорно, что растущее значение сознательного регулирования хозяйственных процессов и вообще выработка сознательной коллективной воли на основе исторического материализма как основной признак социалистического общества вовсе не равносильны растущей роли права, а наоборот сопровождаются неизбежным его отмиранием»⁵⁶.

В докладе на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права, состоявшемся 10 ноября 1930 года, Пашуканис обрушился на бухаринцев и троцкистов: «В вопросах государства и права правый оппортунизм опирается на пресловутую теорию равновесия, на бухаринский закон трудовых затрат, на бухаринское понимание государства, как обруча, который связывает различные

смешал затем право в субъективном смысле слова с отношениями обмена, а объективное право — с публичным; наконец, соединил объективное право с государством, и это последнее сделал двойственным. Если бы этого не случилось, то для автора стало бы ясным, что *частно-правовым отношениям*, включающим в себя, между прочим и отношения обмена, корреспондируют (выступающие в буржуазном обществе на первом плане) отношения властвования и подчинения, которые объемлются понятием *публично-правовых отношений*» (Тоцкий Н.М. Общая теория права и марксизм (по поводу книги Е.Пашуканиса) // Право и жизнь. Журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства. 1925. Кн. 6. С. 87).

⁵⁵ Указав на достоинства книги Пашуканиса, Стучка заметил: «Но эта теория в ее первоначальном изложении имеет свои пробелы, свои односторонности, поскольку она все право сводит только к рынку, только к обмену, как опосредствованию отношений товаропроизводителей, — что, значит право вообще свойственно только буржуазному обществу» (Стучка П.И. Курс советского гражданского права. Т. 1. С. 49).

⁵⁶ Пашуканис Е.Б. Экономика и правовое регулирование // Революция права. Журнал секции общей теории права и государства Коммунистической академии. 1929. № 4. С. 14.

классы и тем придает “единство обществу”. Характерным для правого уклона является либеральное понимание революционной законности, исходящее исключительно из устойчивости оборота и поощрения развития производительных сил в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Вся эта сумма взглядов, начиная с теоретических предпосылок и кончая практическими выводами, требует глубокой и беспощадной критики. С другой стороны, не менее необходима критика троцкизма с его отрицанием возможности построения социализма в одной стране»⁵⁷. При этом Евгений Брониславович не умолчал и о собственных погрешностях в трактовке сущности права. «Моя основная ошибка заключалась в смешении специфических признаков буржуазно-юридической формы и права в целом, что далеко не одно и то же»⁵⁸, — признался он.

В основных выводах рассматриваемого доклада Пашуканис повторил с еще большей категоричностью свой взгляд на советское право как на явление, всецело подчиненное задачам государственной политики. Его фанатичная приверженность революционному течению в советской юридической науке проявилась здесь предельно отчетливо. Отметив, что в буржуазном обществе правовая надстройка должна иметь максимум неподвижности и устойчивости, поскольку она воплощает собой твердые рамки для движения экономических сил, он заявил: «У нас иное, у нас нужна максимальная гибкость нашего законодательства. Мы не можем себя связывать никакими системами, ибо мы каждый день ломаем структуру производственных отношений и на место их ставим новые, делаем это сознательно, через посредство государства, чего не делает буржуазное государство. Буржуазное государство ориентировано на форму, вся деятельность пролетарского государства ориентирована на достижение результатов по существу. Поэтому в то время, когда буржуазные государствоведы самую политику пытаются изобразить как право, растворить в праве, — у нас, наоборот, **право занимает подчиненное положение по отношению к политике**. У нас есть система пролетарской политики,

⁵⁷ Пашуканис Е.Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. Журнал Института советского строительства и права. 1930. № 11–12. С. 19.

⁵⁸ Там же. С. 34.

но нам не нужно никакой юридической системы пролетарского права»⁵⁹ (выделено мною. — В.Т.).

П.И. Стучка, слушавший этот доклад, воскликнул в конце его: «А революционная законность?» Пашуканис ответил как истинный и нестигаемый революционер: «Революционная законность, т. Стучка, — это для нас на 99% политическая задача. Ее мы не разрешим сейчас иначе, как ориентируясь на политику. Это не значит, что мы должны отмахнуться от работы по созданию основ и кодексов. Мы должны делать эту работу, потому что если мы от этого отвернемся, то это возьмут в свои руки старые юристы и будут протаскивать там свои реакционные идеи. Но ставить на место движения вперед вместе с рабочим классом, вместе с партией какую-то застывшую систему, хотя бы и под названием пролетарского права, — этого мы не должны делать»⁶⁰. Пашуканис открыто сообщал, таким образом, что правоведы-революционеры не должны стремиться к утверждению в стране законности и браться за составление кодексов им следует лишь для того, чтобы не допустить к этой кропотливой, требующей глубоких юридических знаний работе настоящих юристов.

В январе 1931 года состоялся первый всесоюзный съезд марксистов-государственников, на котором Е.Б. Пашуканис выступил с докладом «Основные проблемы марксистской теории права и государства». Его текст был опубликован в январском номере журнала «Советское государство и революция права», а в феврале вышел в свет в виде 40-страничной брошюры тиражом 15 000 экземпляров под названием «За марксо-ленинскую теорию государства и права». В начале своего выступления Евгений Брониславович разоблачил троцкизм, подверг критике взгляды Бухарина на экономику и политику Советского государства, привел цитаты из его произведений в «Курсе советского гражданского права» П.И. Стучки. Затем раздал политические ярлыки целому ряду советских правоведов. Вышедшую в 1922 году книгу Я.М. Магазинера «Общее учение о государстве» Пашуканис отнес к числу «явно контрреволюционных сочинений». О работах В.Н. Дурденевского, Э.Э. Понтовича, С.А. Котляревского, В.К.

⁵⁹ Там же. С. 48.

⁶⁰ Там же. С. 49.

Дябло, Игнатьева он сказал, что их «можно охарактеризовать как типичный образец буржуазно-юридической методологии, с помощью которой извращается сущность пролетарской диктатуры»⁶¹. В числе советских правоведов, находящихся под влиянием «той же буржуазно-юридической методологии» и пытающихся проводить ее в своих произведениях, им были названы Д.А. Магеровский, А.Л. Малицкий, М.О. Рейхель, Ю.М. Стеклов. В советской науке уголовного права Пашуканис обнаружил «своеобразную разновидность буржуазно-социологической школы, подкрашенной под марксизм», которую, по его мнению, представляли правоведы М.М. Исаев, А.Н. Трайнин и А.А. Пионтковский. Правоведами примыкавшими к ней, «совершенно открытых и чистокровных догматиков сменовеховского типа» он назвал А.А. Жижиленко и П.И. Люблинского⁶². Евгений Брониславович напомнил, что проект реформы уголовного кодекса, составленный правоведом Е.Г. Ширвиндтом, был назван в журнале «Советское государство и революция права» «проектом разоружения пролетарской диктатуры в области уголовной репрессии»⁶³.

Выступая с докладом, Пашуканис покритиковал и свою работу «Общая теория права и марксизм», указав, что «в ней имеется ряд формалистических ошибок, приводящих к отрыву формальной стороны права от материально-классового его содержания. Форма буржуазного права, отраженная в абстрактных категориях, объявляется предметом теории права и отождествляется с правом как историческим явлением». Вынесенный им вердикт относительно собственной книги звучал довольно строго: «Это — несомненная и грубая формалистическая ошибка, которая при дальнейшем углублении и развитии ведет к возрождению отвлеченной теории или философии права, в которой марксизм вовсе не нуждается»⁶⁴.

⁶¹ Пашуканис Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства // Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 18.

⁶² Там же. С. 19.

⁶³ Там же. С. 27.

⁶⁴ Там же. С. 23.

Оценка книги Пашуканиса в резолюции первого всесоюзного съезда марксистов-государственников повторяла высказанные о ней самим автором и другими правоведами критические замечания⁶⁵.

Вряд ли кто-то из правоведов, собравшихся на этот съезд, мог предположить, сколь трагическими будут последствия их научных дискуссий. А между тем намеки на такой исход присутствовали в докладе Е.Б. Пашуканиса: их можно было усмотреть в тех политических оценках, которые Евгений Брониславович щедро и безапелляционно давал своим коллегам и их взглядам. Он объявлял их творчество контрреволюционным по своему характеру, буржуазным по своей методологии и прямо направленным против пролетарской диктатуры. Он распространял дух враждебности среди тех людей, которые профессией своей были призваны поддерживать в обществе дух миролюбия.

Он разжигал огонь революции, не понимая, что и сам стгорит в нем...

3

После ареста Е.Б. Пашуканиса, случившегося 20 января 1937 года, критика его воззрений на право со стороны советских правоведов приобрела характер прямых политических обвинений. Предельно резко, в стиле прокурора СССР А.Я. Вышинского, выступил против Е.Б. Пашуканиса профессор-цивилист Г.Н. Амфитеатров⁶⁶. В докладе

⁶⁵ В данной резолюции отмечалось, в частности: «Основным методологическим недостатком работы т. Пашуканиса “Общая теория права и марксизм” является абстрактный подход с наличием формалистических ошибок, ведущих к отрыву формы от содержания. В книге не разрешена проблема единства материально-классового содержания права и его формы. Форма буржуазного права, отраженная в абстрактных категориях, объявляется предметом права и отождествляется с правом в целом... Из основной методологической ошибки вытекают ошибочные установки по целому ряду проблем теории права и государства (неправильная трактовка добуржуазных систем права, отодвигание на задний план момента господства-подчинения и классово-репрессивного значения права, ошибка в вопросе взаимоотношения государства и права, в вопросах морали, в вопросах уголовного права» (Резолюция I Всесоюзного съезда марксистов-государственников и правовиков по докладам Е. Пашуканиса и Я. Бермана // Советское государство и революция права. 1931. № 3. С. 148-149).

⁶⁶ В 1942-1944 гг. Георгий Никитич Амфитеатров являлся заведующим кафедрой гражданского права и гражданского процесса юридического факультета

«О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву», прочитанном во Всесоюзном институте юридических наук в апреле 1937 года, Георгий Никитич раскритиковал предложенную Пашуканисом в 1924 году меновую концепцию права, которая связывала сущность права с отношениями товарного обмена, а также вытекавшие из нее характеристики советского права как права буржуазного и несовместимого с социалистическими отношениями. Он отверг вывод об отмирании права при социализме и соответствующий ему «тезис об отсутствии системы в советском праве и невозможности ее существования»⁶⁷.

Представленная Амфитеатровым общая оценка меновой концепции права была похожа на обвинительное заключение прокурора. «Концепция Пашуканиса, — утверждал он, — является в теории права и юридической практике выражением и обоснованием неверия в возможность построения социализма, то есть эта концепция является соединением и переплетением контрреволюционного троцкизма с типичными установками о несовместимости социализма с существованием государственного принуждения, с существованием государства и права. Теперь ясно, что концепция Пашуканиса была не только системой враждебных социализму установок и взглядов. Она была вредительской концепцией, направленной на ликвидацию марксистско-ленинской науки права и на подрыв той активно-творческой революционной роли, какую осуществляет наше социалистическое право в условиях существования государства рабочих и крестьян»⁶⁸.

Признание ошибок в трактовке советского права, сделанное Пашуканисом в докладе на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права 10 ноября 1930 года, носило, по мнению Г.Н. Амфитеатрова, «декларативный характер», оно было «маскировкой в интересах спасения своей концепции»⁶⁹. Не ограничи-

Московского государственного университета, а в 1943–1944 гг. исполнял еще и должность декана юридического факультета.

⁶⁷ Амфитеатров Г.Н. О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву / Проблемы социалистического права. Сб. 1. М., 1937. С. 35.

⁶⁸ Амфитеатров Г.Н. О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву / Проблемы социалистического права. С. 35.

⁶⁹ Там же. С. 37.

ваясь данной оценкой, вполне допустимой в научной критике, Георгий Никитич добавил к ней убийственную с учетом атмосферы советского общества 1937 года политическую инвективу. «Не приходится удивляться, — возмущенно заявил он, — что в результате такой “самокритики” вся последующая теоретическая, с позволения сказать, деятельность Пашуканиса — это непрерывная цепь антипартийных извращений и классово враждебных установок»⁷⁰.

Разоблачая Пашуканиса как врага народа, Амфитеатров стремился показать, что Евгений Брониславович никогда не отказывался от представления о «гражданско-правовых отношениях как об отмирающих частнособственнических отношениях», и от тезиса о том, что «наше гражданское право — это остатки *буржуазного права*, которые обречены на отмирание»⁷¹, что он всего лишь приспособлялся к требованиям новой правовой идеологии, которая стала утверждаться в конце 1920-х годов. Чтобы соответствовать ей, надо было признать особое качество советского гражданского права, а в природе самих реально существующих гражданско-правовых отношений Пашуканис это качество не видел, поэтому ему пришлось переместить право в верхний этаж правовой надстройки и односторонне свести его к «системе целесообразных мер, проводимых государством в той или иной области»⁷². Это позволило Пашуканису стать на позиции формального признания социалистического характера советского права и в то же время избавило его от необходимости заниматься анализом и оценкой самих правовых

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

⁷² Критикуя стремление Е.Б. Пашуканиса свести советское право к роли инструмента политики пролетарского государства, Амфитеатров ссылаясь на его доклад на первом Всесоюзном съезде марксистов-государственников. Евгений Брониславович утверждал в нем: «Право есть форма политики господствующего класса, которая проводится через аппарат государственной власти. А это в особенности нельзя забывать при анализе проблем советского права, так как в период диктатуры пролетариата активно-сознательное воздействие со стороны государства приобретает решающее значение. Нормативно-идеологическое понимание права для нас также неприменимо, как и экономический материализм, отрицающий активное воздействие надстроек на базис» (Пашуканис Е.Б. Основные проблемы марксистской теории права и государства // Советское государство и революция права. 1931. № 1. С. 23).

отношений, чего он не желал делать, ибо считал эти отношения буржуазными. «Таким образом, — констатировал Амфитеатров, — право как форма политики в интерпретации Пашуканиса представляет собой такую концепцию, в которой живой человек превращается из субъекта правоотношения в объект правового регулирования. Налицо типичная троцкистская установка»⁷³.

Газета «Правда» опубликовала 9 апреля 1937 года статью прокурора СССР «Против антимарксистских теорий права»⁷⁴, которая фактически представляла собой предварительный и сокращенный вариант критической статьи «К положению на фронте правовой теории», опубликованной в мае того же года⁷⁵. Таким образом, выступая в апреле 1937 года с докладом «О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву», Г.Н. Амфитеатров был уже знаком с мнением Вышинского о взглядах Пашуканиса и в своем докладе неоднократно ссылался на статью «Против антимарксистских теорий права». Между тем в ней содержалась критика «двухсекторной теории права», противопоставлявшей гражданское право хозяйственно-административному праву, которая им вполне разделялась поначалу. В 1930 году Амфитеатров писал: «В системе советского гражданского права оформляются и должны быть выделены в самостоятельную отрасль правоотношения, регулируемые в порядке подчинения и плановости. Эти отношения составляют уже так называемое хозяйственно-административное право, отличное от гражданского»⁷⁶.

Вышинский же в упомянутой статье газеты «Правда» утверждал: «Особенно поучительны плоды ликвидаторской политики Пашуканиса и иже с ним, как это мы уже видели выше, в области гражданского права. Само это название исчезло за последние годы из

⁷³ Амфитеатров Г.Н. О состоянии теоретической работы по советскому гражданскому праву. С. 37.

⁷⁴ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права // Правда. 1937. № 98 (7064). 9 апреля. С. 2-3.

⁷⁵ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 30-37.

⁷⁶ Амфитеатров Г.Н. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию // Советское государство и революция права. 1930. № 4. С. 74.

правовой литературы, из учебных пособий, из учебных программ и планов. Гражданское право было заменено так называемым хозяйственным правом»⁷⁷. В качестве примера такой трансформации гражданско-правовой науки он привел двухтомный «Курс советского хозяйственного права», изданный в 1935 году под редакцией Л.Я. Гинцбурга, М.Н. Доценко и Е.Б. Пашуканиса. Одним из его авторов являлся и Г.Н. Амфитеатров. По мнению Вышинского, составители этого курса, «ограничили сферу своего предмета исключительно рамками отношений внутри обобществленного советского хозяйства. И в этих пределах они подменили плохо переваренными экономическими рассуждениями какой-либо анализ правовых форм»⁷⁸.

Амфитеатров поддержал негативную оценку Вышинским того понимания сущности хозяйственного права, которое было представлено в указанном учебнике, и постарался убедительно объяснить, почему его собственная оценка данного понимания также стала критической: «Переместив центр тяжести на вопросы организационной структуры и системы управления народным хозяйством, авторы “Курса” низвели живого человека с его личными и имущественными правами до роли придатка к механизму хозяйственного управления»⁷⁹.

Назвав оценку идеи хозяйственного права Вышинским «абсолютно справедливой и вполне заслуженной», Георгий Никитич процитировал в докладе его суровый политический вердикт: «Подмена гражданского права так называемым “хозяйственным” правом — ценная услуга врагам коммунизма, клеветникам, рассказывающим небывлицы о коммунизме, якобы подавляющем личность и не признающем никаких иных категорий, кроме как общество, хозяйство, производство»⁸⁰. После этих слов Вышинский заявил: «Пашуканис и его школка делали с величайшей наглостью дело врагов социализма, пытающихся подорвать наше право — один

⁷⁷ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права. С. 3.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Амфитеатров Г.Н. Основные начала гражданского законодательства и борьба за марксистскую методологию. С. 43.

⁸⁰ Там же.

из мощных рычагов диктатуры рабочего класса и советского государства»⁸¹. Но Амфитеатров не счел необходимым приводить и данные слова.

Процитированный Амфитеатровым вывод Вышинского о политическом смысле подмены гражданского права хозяйственным, Андрей Януарьевич повторил в статье «К положению на фронте правовой теории», опубликованной в майском номере журнала «Социалистическая законность» (1937. № 5. С. 37) и в брошюре с таким же названием, изданной в 1937 г. (с. 18–19). А в статье «Положение на правовом фронте»⁸², напечатанной на основе доклада на партийном собрании работников прокуратуры СССР 3 мая 1937 г., он высказал к авторам названного «Курса советского хозяйственного права», и в том числе к Г.Н. Амфитеатрову, ряд других, значительно более серьезных не только с политической, но и с научной точки зрения претензий.

В шестой главе первого тома данного учебника «Собственность в советском праве» говорилось, что «общественная (социалистическая) собственность обосновывает прекращение капиталистической эксплуатации»⁸³. Вышинский посчитал это утверждение нелепым. «Октябрьской революции, разгромившей вдребезги эксплуатацию, ликвидировавшей частную собственность на средства производства, на землю, на фабрики и заводы, банки и т.д. — ее вообще в этой книге нет, — заметил он. — Октябрьской революции и пролетарской диктатуры — нет, а есть просто общественная собственность, которая и обосновала прекращение капиталистической эксплуатации. Явная путаница»⁸⁴.

Критическую оценку Вышинского получила и данная в учебном курсе трактовка гражданской правоспособности, предполагавшая, что «содержание правоспособности отдельных категорий граждан СССР различно в зависимости от их классовой принадлежности и от их

⁸¹ Вышинский А.Я. Против антимарксистских теорий права // Правда. 1937. № 98 (7064). 9 апреля. С. 3.

⁸² Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3-4. С. 29-51.

⁸³ Курс советского хозяйственного права. Том 1 / Под ред. Л. Гинцбурга, Е. Пашуканиса. М., 1935. С. 159.

⁸⁴ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте // Советское государство. 1937. № 3-4. С. 36.

места в системе социалистического хозяйства»⁸⁵. Вышинский назвал ее неправильной, сославшись на решения VII Всесоюзного съезда советов и Конституцию СССР 1936 года, провозгласивших равенство перед законом всех советских граждан.

Гнев Вышинского вызвало содержавшееся в третьей части «Курса советского хозяйственного права» утверждение о том, что субъект права в буржуазном праве — это «человек, лицо», а субъект права в социалистическом праве — это «хозрасчетное звено», «а также частное лицо». У авторов этой книги, заметил Вышинский, «человек» исчез. «По их мнению, советское право не знает “человека”, “лица”, если не считать “частного лица”. Наоборот буржуазное право имеет дело с “человеком”, с “лицами”». У них среди частных лиц имеется центральная фигура. Это — «трудящийся-потребитель». «Почему потребитель, а не производитель?» — удивился Андрей Януарьевич. Но еще более нелепым ему показалось утверждение авторов «Курса», что частное лицо сохранит свое значение далеко за пределами второй пятилетки и после уничтожения классов, в течение всей первой фазы коммунистического общества — социализма.

«Если вспомнить, — продолжил свое рассуждение Вышинский, — что под частным лицом разумеется “трудящийся-потребитель”, то окажется, что “трудящийся-потребитель” сохранится лишь в течение определенного времени — в течение всей первой фазы коммунистического общества, а затем, очевидно, исчезнет, как исчез у наших авторов человек». Здесь Вышинский не выдержал и разразился возмущенным восклицанием: «Откуда такая галиматья? Человек ликвидирован, вместо человека осталось “хозрасчетное звено”, к нему прибавлен “трудящийся-потребитель”, т.е. какое-то “частное лицо”, которому суждено столько-то времени существовать, а затем исчезнуть!.. Что можно сказать о подобного рода чепухе, преподнесенной Пашуканисом и Гинцбургом под видом теории советского хозяйственного права?!»⁸⁶

Указывая на «грубейшие», по его мнению, политические и теоретические ошибки «Курса советского хозяйственного права»,

⁸⁵ Курс советского хозяйственного права. Том 1. С. 160.

⁸⁶ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 36.

Вышинский особо выделил теорию «расчленения государственной собственности на собственность Союза и собственность его органов», посчитав ее наиболее опасной для Советского государства.

Глава учебника, в которой эта теория излагалась, была написана Г.Н. Амфитеатовым. В ней утверждалось, что, по правилу, единый фронт государственной социалистической собственности расчленяется «на отдельные части, закрепленные как собственное имущество за множеством государственных хозрасчетных организаций — хозорганов» и что «в силу этого одно и то же имущество оказывается собственностью и государства и отдельного государственного органа, выступающего в своих хозяйственных взаимоотношениях с другими хозорганами и лицами в качестве самостоятельного субъекта права. Одно и то же имущество может принадлежать даже не двум, а большему числу “собственников”. Например, совхоз какого-либо промышленного предприятия может быть “собственностью” одновременно государства (СССР, если предприятие союзного значения), треста, в состав которого входит предприятие, предприятия (за ним также закрепляются и основные фонды и собственные оборотные средства) и орсса данного предприятия, переведенного на хозяйственный расчет»⁸⁷.

Оценивая это утверждение, Вышинский не удержался, чтобы еще раз употребить слово «галиматья». «Как же можно не видеть, — возмутился он, — действительной природы наших трестов, орсов и т.п., вовсе не являющихся “собственниками” государственного имущества, а являющихся лишь доверенными Советского государства, его представителями, уполномоченными, отношение которых к вверенному их управлению государственной собственности определяется пределами данных им государством полномочий? Как же можно не понимать простой истины, что советская социалистическая государственная собственность — единая собственность, не расщепленная, не разделенная, принадлежащая целиком и полностью нашему государству? И для чего понадобилось изобретать подобного рода “хитрую механику” расчленения советской государственной собственности? Не для того ли, чтобы ослабить мощь государственной

⁸⁷ Курс советского хозяйственного права. Т. 1. С. 181–182.

собственности, чтобы подготовить кое-какие умы к работе в пользу действительного расчленения нашей социалистической собственности? Ведь ясно, что чем больше собственников, претендующих на одну и ту же собственность, тем слабее и *условнее* сама собственность»⁸⁸.

Опасность доктрины расчленения социалистической собственности была для Вышинского очевидной с научной точки зрения, но он постарался показать это и с другой позиции, приведя весьма примечательный факт: «Немецкий фашистский юридический журнал “Zeitschrift für osteuropäisches Recht (Журнал восточноевропейского права)” в своем обзоре с похвалой отозвался об этом “Курсе”, специально посвятив похвалам добрых две страницы. Фашисты хвалят “Курс” за то, что в нем исчезла человеческая личность, ее инициатива»⁸⁹.

* * *

Обвинительно-политический стиль дискуссии по различным вопросам государства и права был характерной чертой советской юридической науки едва ли не всей сталинской эпохи. К середине 1930-х гг. он достиг своего предельного накала. Атмосфера гражданской войны распространилась на все сферы жизни советского общества, отравив и научную среду. В этой атмосфере, свойственной более революционному периоду, шло ускоренное формирование новой, **антиреволюционной** по сути правовой идеологии.

Парадоксальным являлось то, что она утверждалась в качестве господствующей такими же методами, какими насаждалась прежде идеология революционная. Но это было вполне объяснимо: новая правовая идеология приходила не на свободное место, а на то, которое было занято революционной правовой идеологией, сложившейся в Советской России в первой половине 1920-х годов. К началу 1930-х годов эта идеология укоренилась в среде советских правоведов настолько, что превратилась в настоящую идеологическую крепость, которую невозможно было взять без кровопролитного боя. Пашуканис и его сторонники были самыми стойкими

⁸⁸ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 37.

⁸⁹ Там же.

защитниками этой цитадели, поэтому именно против них Вышинский направил основной удар.

Прокурор СССР был главным творцом новой, антиреволюционной правовой идеологии. Его доклады и статьи апреля и мая 1937 года имели программный характер. Их содержание не было случайным: оно выражало жизненно важные для Советского государства на новом этапе его развития правовые идеи и доктрины. В полной мере осознавая их политическое значение, Вышинский действовал в научной среде предельно бесцеремонно — так, будто вел войну. Названия его докладов и статей вполне соответствовало такого рода действиям: «К положению на фронте правовой теории», «Положение на правовом фронте».

Впрочем, «фронтной стиль» научной дискуссии не был чужд и Е.Б. Пашуканису. Свой довольно объемный доклад на расширенном заседании Бюро Института советского строительства и права 10 ноября 1930 года Евгений Брониславович назвал «Положение на теоретическом правовом фронте»⁹⁰. Советские правоведы 1920-х и 1930-х годов могли сильно отличаться своими воззрениями на право, закон, советское право и законность, но в методах ведения научной дискуссии, в способах идеологической борьбы друг с другом были одинаково привержены **военизированному, обвинительно-политическому стилю**. Вышинский отличался от них лишь тем, что был более умным и эрудированным как ученый правовед и более хитрым и гибким как политик.

Во время революции и гражданской войны 1917–1920 годов, когда торжествовала революционная правовая идеология, Вышинский являлся — и по партийному статусу, и по мировоззрению — **меньшевиком**. А антиреволюционную правовую идеологию в середине 1930-х годов он утверждал в среде советских правоведов, действуя как **большевик революционного времени**. Несогласные с антиреволюционной правовой идеологией объявлялись им контрреволюционерами, врагами народа, вредителями.

Правоведы вынуждены были приспособливаться к новой правовой идеологии, отказываясь от прежних своих взглядов, которые

⁹⁰ См.: Советское государство и революция права. 1930. № 11–12. С. 16–49.

ей противоречили. Но следует признать, что перемены в их воззрениях могли иметь и более объективные основания. К 1937 году в жизни советского общества, в его структуре и в государственном строе, в политике партийного и государственного руководства произошли заметные изменения, появилось много нового. Вследствие этого и представления советских правоведов о праве и законности не могли оставаться прежними.

Так, Е.Б. Пашуканис в последние годы своего творчества отрекся от многих суждений о праве, которых придерживался в 1920-е годы, даже в начале 1930-х годов, и высказывал в докладах и статьях мысли, вполне соответствовавшие основным параметрам официальной правовой идеологии.

Евгений Брониславович отказался, например, от провозглашавшейся им прежде идеи неизбежного отмирания государства и права в социалистическом обществе. Эта идея входила в слишком большое противоречие с действительностью, в которой очевидными фактами были укрепление Советского государства и возрастание роли закона в государственном управлении. В докладе на теоретической конференции Московского правового института 3 апреля 1936 года Пашуканис решительно отмежевался от прежней своей оценки морали, права и государства как исключительно буржуазных форм, «которые не могут быть наполнены никаким социалистическим содержанием и должны отмирать по мере реализации этого содержания». Данную оценку он объявил в корне ошибочной установкой, «ничего общего не имеющей с марксизмом-ленинизмом», совершенно искажавшей «значение пролетарского государства, пролетарской коммунистической морали и, наконец, значение советского права как права пролетарского государства, как права, которое служит орудием построения социализма»⁹¹. Признав, что «социалистическое общество организовано как общество государственное» и «вплоть до высшей фазы коммунизма социалистическое государство и социалистическое право сохраняют полностью свое значение», Пашуканис заявил, совершенно в духе

⁹¹ Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме // Советское государство. 1936. № 3. С. 8.

Вышинского: «Разговоры о том, что право отмирает при социализме, представляют собой такую же оппортунистическую чепуху, как и утверждение, что государственная власть начала отмирать на другой день после свержения буржуазии»⁹².

Отказался Пашуканис и от прежнего своего понимания права исключительно как формы, опосредствующей рыночный обмен. В предисловии ко 2-му изданию книги «Общая теория права и марксизм», вышедшему в 1926 году, он подчеркивал: «Действительно, я утверждал и продолжаю утверждать, что наиболее развитое, всестороннее и законченное правовое опосредствование порождается отношениями товаропроизводителей; что, следовательно, всякая общая теория права и всякая “чистая юриспруденция” есть одностороннее, абстрагированное от всех прочих условий описание отношений людей, выступающих на рынке в роли товаровладельцев»⁹³. В докладе же, сделанном спустя десять лет, Пашуканис признал, что называя отношения товаровладельцев «подлинным специфическим содержанием всякого права», отодвигал при этом «на задний план основное классовое содержание всякой системы права, которое заключается в собственности на средства производства. Право выводилось непосредственно из обмена товаров по стоимости; тем самым смазывалась роль классового государства, защищающего системы собственности, соответствующую интересам господствующего класса»⁹⁴.

Отвергнув теорию «буржуазности» всякого права и назвав советское право социалистическим, Пашуканис по-новому посмотрел и на проблему построения системы социалистического права. Прежде ему казалось, что создавать ее нет никакой надобности, поскольку «советское право должно обладать максимальной подвижностью и гибкостью, в особенности на этапе развернутого социалистического наступления»⁹⁵. Теперь он стал говорить, что в условиях, когда Советское государство вошло в полосу «прочной стабилизации социалистических производственных отношений», вполне возможно

⁹² Там же. С. 7.

⁹³ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий. 2-е исправл. и дополн. Издание. М., 1926. С. 9.

⁹⁴ Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме. С. 8.

⁹⁵ Там же. С. 9.

создать систему советского социалистического права, если конструировать ее на основе общественной социалистической собственности и распределения по труду⁹⁶.

При этом Пашуканис посчитал необходимым указать на трудности такой работы и вот здесь допустил серьезную оплошность. «Дело в том, — сказал он в докладе, — что законченного кодифицированного законодательства в целом ряде областей у нас еще нет. Старые кодексы, которые были рассчитаны на мирное сосуществование и борьбу капиталистического и социалистического секторов, действуют лишь в отдельных своих частях и часто в меньшинстве своих статей. Большинство положений уже является недействительными. Возьмете ли вы Гражданский кодекс, Земельный кодекс или Трудовой кодекс — все они как кодексы сейчас уже не могут применяться»⁹⁷. Евгений Брониславович не понимал, что дает этими словами повод обвинить его в приверженности к старым заблуждениям относительно сущности советского права.

Вышинский был первым, кто воспользовался этой оплошностью. В статье «К положению на фронте правовой теории» прокурор СССР заявил, что Пашуканис отрицает социалистический характер советского права и «выбрасывает вон и советские законы, советские кодексы»⁹⁸, что он продолжает утверждать «невозможность построения системы социалистического права, исходя из того, что “это был период революционной ломки старых производственных отношений” и что “советское право должно обладать максимальной подвижностью и гибкостью, в особенности на этапе развернутого социалистического наступления”»⁹⁹. Признав, что в советских кодексах, принятых в первой половине 1920-х годов за прошедшее время «многое устарело и требует изменения», Вышинский заметил, что это не дает Пашуканису основания отвергать их целиком вследствие того, что они якобы рассчитаны были на сосуществование и борьбу капиталистических и социалистических секторов. «Это

⁹⁶ Там же. С. 10.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ *Вышинский А.Я.* К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 36.

⁹⁹ Там же.

грубое извращение природы наших кодексов, — констатировал он. — Пашуканис извращает содержание нашей законодательной политики в период нэпа. Гражданский кодекс и другие кодексы этой эпохи вовсе не представляли собой “рецепции” аналогичных буржуазных кодексов, не развязывали мелкобуржуазной рыночной стихии. Эти кодексы, отражая особенности эпохи, были направлены на защиту интересов трудящихся, на укрепление социализма»¹⁰⁰.

Борьба новой, антиреволюционной правовой идеологии с революционной правовой идеологией охватывала не только теорию права и науку гражданского права. Она распространилась на все основные отрасли советского права.

В докладе на партийном собрании работников прокуратуры СССР «Положение на правовом фронте, произнесенном 3 мая 1937 года, Вышинский обвинил Пашуканиса в том, что он сознательно:

— сводил наказание к возмездию, утверждал, что «идея ответственности необходима для того, чтобы наказание выступало как средство расплаты»¹⁰¹, т.е. фактически отрицал принцип уголовной ответственности, предполагая, что «все дело сводится не к вине, а к объективному вреду»¹⁰²;

¹⁰⁰ Там же. В доказательство этого своего утверждения Вышинский привел следующее высказывание В.И. Ленина из письма Д.И. Курскому от 20 февраля 1922 г.: «Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮст “плывет по течению”; я это вижу. А он обязан бороться *против* течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным старым юристам, кои перенимают) старое, буржуазное понятие о гражданском праве, а создавать новое».

¹⁰¹ *Вышинский А.Я.* Положение на правовом фронте. С. 41. Дословно Пашуканис писал: «Идея ответственности необходима, если наказание выступает как средство расплаты. Преступник отвечает своей свободой за преступление и отвечает таким куском свободы, который *соразмерен* тяжести им содеянного. Эта идея ответственности совершенно не нужна там, где наказание освобождено от характера эквивалентности. Но там, где от этого начала действительно не осталось и следа, там наказание перестает быть наказанием в юридическом смысле слова» (*Пашуканис Е.Б.* Общая теория права и марксизм. М., 1927. С. 121).

¹⁰² Там же. Пашуканис писал об этом следующее: «Юридическое понятие вины не научно, ибо оно прямым путем ведет к противоречиям индетерминизма... наказание, соразмерное с виной, принципиально представляет собой ту же форму, что и возмездие, соразмерное с ущербом. Характерным является прежде всего числовое математическое выражение для “тяжести” приговора: количество дней, месяцев и т.д. лишения свободы, та или иная сумма денежного штрафа,

- ставил знак равенства между наказанием в советском уголовном праве и наказанием в уголовном праве буржуазных стран;
- отрицал целесообразный характер наказания в советском уголовном праве;
- «высказывался против точной конструкции составов преступлений, считая достаточным дать одно лишь описание “симптомов”, характеризующих общественно-опасное состояние»¹⁰³.

По мнению Вышинского, не меньше бессмыслицы, чем в уголовном праве, «проповедовал Пашуканис и в части, касающейся советского уголовного процесса». Он изображал советский суд как «какое-то торжище, совершенно уподобляя советский суд и процесс буржуазному суду и буржуазному процессу»¹⁰⁴. Такими словами Вышинский охарактеризовал следующее утверждение Пашуканиса: «Уголовный процесс, как правовая форма, неотделим от фигуры потерпевшего, требующего “воздаяния”, и следовательно, неотделим от более общей формы сделок. Прокурор, как и полагается “стороне”, запрашивает “высокую цену”, т.е. строгое наказание, преступник просит снисхождения – “скидки”, суд постановляет “по справедливости”. Отбросьте совершенно в сторону эту форму сделки, и вы лишите уголовный процесс его юридической души»¹⁰⁵.

Оценивая приведенное высказывание Пашуканиса, Вышинский воскликнул: «В сущности кому нужен такой процесс? Кому нужен такой суд? “Запрашивают”, “просят скидки”, “торгуются”, а суд решает, как ему подскажет то, что он считает “справедливостью”». И

лишение таких-то прав и таких-то прав. Лишение свободы на определенный, заранее указанный в приговоре суда срок есть та специфическая форма, в которой современное, т.е. буржуазно-капиталистическое, уголовное право осуществляет начало эквивалентного воздаяния» (Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. С. 121, 122).

¹⁰³ Там же. С. 40. По словам Пашуканиса, «последовательное проведение принципа охраны общества требовало бы не зафиксирования отдельных *составов преступления* (с чем логически связана *мера наказания*, определяемая законом или судом), но точного описания *симптомов*, характеризующих общественно опасное состояние и разработки тех *методов*, которые нужно в каждом данном случае применять для того, чтобы обезопасить общество» (Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. С. 127).

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. С. 119.

затем разразился, совершенно по-ленински, гневной большевистской тирадой: «Это, конечно, типичная меньшевистская, троцкистская клевета на советский суд, которая вытекает из глубоко извращенного представления о советском процессе как о процессе буржуазном и из слишком упрощенного представления и о самом буржуазном процессе»¹⁰⁶. Смысл буржуазного процесса, его юридическую душу невозможно, подчеркивал Вышинский, «свести к тому, что кто-то с кем-то торгуется». При этом он сослался на «Случайные заметки» В.И. Ленина, в которых было показано, что за убийство трудящегося человека суд дал такое же наказание, как и за кражу 50 шаровар. «Хорошая эквивалентность! — возмутился Андрей Януарьевич этим фактом. — Это — буржуазная эквивалентность, корректирующаяся классовым интересом буржуазии, эксплуататоров, которые ни в грош не ценят жизнь трудящегося человека»¹⁰⁷.

Завершая анализ воззрений Пашуканиса на уголовный процесс, Вышинский заявил, что он все смешал в кучу, изобразив советского прокурора в виде «торговца», который «запрашивает», а подсудимого — в виде стороны, которая просит «скидки», а советский суд — «в виде лавочника, который продает и покупает человеческую свободу, честь, самую жизнь»¹⁰⁸.

Общий вывод Вышинского гласил: «В области уголовного права и процесса “теория” Пашуканиса приводила к отрицанию этого права и процесса»¹⁰⁹.

Помимо доктрин Пашуканиса, прокурор СССР подверг суровой критике воззрения целой группы других советских правоведов, имевших труды в области уголовного права и уголовного процесса: С.Я. Булатова, Н.В. Крыленко, А.А. Пионтковского, Е.Г. Ширвиндта и др. Все это означало, что весной 1937 года Вышинский приступил к масштабному пересмотру доктринальной основы советской правовой идеологии. Его цель была очевидной: она диктовалась необходимостью создания юридической науки, соответствовавшей новому

¹⁰⁶ Вышинский А.Я. Положение на правовом фронте. С. 40.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Вышинский А.Я. К положению на фронте правовой теории // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 37.

состоянию советской государственности. Эта наука прежде всего должна была отражать социалистический характер советского общественного строя, определявшийся общественной собственностью на средства производства. Вместе с тем она призвана была опираться на классические юридические институты и категории, выработанные многовековым историческим опытом и составляющие основу правовой культуры и правопорядка любого развитого государства.

Правоведы, взращенные в духе революционной правовой идеологии, выступавшие ее создателями, проводниками и охранителями, в храме новой советской юридической науки оказывались еретиками, обреченными на гибель.

* * *

4 сентября 1937 года Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха рассмотрела дело Евгения Брониславовича Пашуканиса, затратив на весь процесс всего 20 минут. Судебное заседание началось в 16.00, а уже в 16.20 был вынесен расстрельный приговор. В тот же день он был приведен в исполнение.

31 марта 1956 года данный приговор был отменен Военной коллегией Верховного Суда СССР за отсутствием состава преступления в действиях Е.Б. Пашуканиса.